

ОЛЕГ КУЗНЕЦОВ

22.09.1936 г.

Родившись в Москве, Олег Кузнецов и рос бы, как его столичные сверстники, среди движения и шума большого города, изредка выезжая "на природу" в подмосковные леса. Но началась война, многим пришлось эвакуироваться. Так и оказался Олег сперва в Сибири, а затем на юге Сахалина, где все вокруг было самой настоящей природой. Море, спокойствие прибрежного мелководья, морские ежи и звезды, крабы и трепанги, на камнях отдыхающие нерпы - вот тот мир, который увидел в детстве и навсегда полюбил Олег Кузнецов.

Служил он в Совгавани. Когда учился в Хабаровске в высшем учебном заведении, выпустил первые книжки для детей: "Река на водорослях", "Тайфун", "Волочаевка". После Олег Кузнецов написал для детей и взрослых книги: "Хозяйка рыбацкого стана", "Эскадра адмирала Веньки", "Ребята, Тимка потерялся...", "Быль о седом калане". Повесть "Лагуна" тоже сперва вышла на Сахалине, затем в Москве в издательстве "Современник".

Его рассказы публиковались в журналах "Мурзилка", "Пионер", "Нева", "Дальний Восток", "Звезда Востока", "Крестьянка" (лауреат этого журнала), напечатаны две повести в журнале "Аврора", другие произведения - в коллективных сборниках "Сахалин", "Волшебное дерево", "И снова приключения", "На рыбалке у реки...".

Олег Кузнецов - член Союза писателей СССР.

БЫЛЬ О СЕДОМ КАЛАНЕ (отрывок из повести)

Вот так новость! Вот где надо бы поставить палатку! Совершенно дикое место. И красотища! Вдоль берега в беспорядке, то прижимаясь к нему, то заходя в море, возвышались каменные столбы. Почему-то все подобные скалы принято называть столбами или чертовыми пальцами. Но какие же это столбы? И уж никак не пальцы. Петька вошел под высокую арку. Возле её были скалы, похожие на гигантские грибы. А вон - хребет динозавра или ещё какого-то чудовища. А вот - голова слона. Нет, мамонта. С ушами и хоботом. С бивнями. Надо сказать отцу. Пусть заснимет. А это что?.. Непонятная массивная завитушка.

Скалы снизу были облеплены мелкими ракушками, выше - бурыми и синевато-серыми лишайниками, вверху - "разрисованы" помётом птиц. Птицы неугомонно носились над Петькой. От их гвалта у него уже болело в ушах. Словно нарочно кричали изо всех сил - хотели, чтоб ушел. А что он, мешает им? Он никого не трогает. Не вечно же им одним тут жить. Дайте и человеку пройти.

Вдруг в просвете между зубчатых скал Петька заметил дядю Колю. Дядя Коля сидел на сухом песке в тельняшке и плавках и натягивал на ногу зелёный ласт. Затем, вставая, поднял за ремень акваланг. Ещё одна новость! Невероятная! Выходит, недалеко от палатки, за этими каменными столбами,

происходит вон что! Оно происходит, а Петька о нем не знает. Кто-нибудь другой на его месте запросто подумал бы, что дядя Коля - это не дядя и совсем не Коля, а - диверсант. Так что надо или подкрасться и хорошенько стукнуть его камнем или бежать к отцу, чтоб тот быстрее связался с пограничниками. Да-а, потом бы отец на пару с "диверсантом" похохотал бы! Петька, конечно, дядю Колю не очень знает. Но отец-то с ним в детский садик ходил. В школе учился, в университете. Нет, предательство тут отпадает. Здесь иное - заговор! Против него, Петьки.

Дядя Коля полез в море, а на берегу осталась надутая резиновая лодка. Здорово, а? Это же не иголка в стогу сена. До чего хитрые пошли люди! Умудрились тайно от Петьки привезти на остров акваланг и резиновую лодку. Теперь понятно, почему они не разрешили даже дотрагиваться до тех трёх ящиков. "В них - колбачки всякие, понимаешь? Стекло, - сказал дядя Коля. - И химикаты. Половина из них - очень ядовитые. Моментально действуют". Ну, Петька и не стал подходить к этим ящикам. А после и совсем забыл... Вот притворы! Ну, артисты! А ведь знают, что детей неприлично обманывать.

Дядя Коля скрылся под водой. Петька подбежал к лодке. В ней лежали совершенно новенькие пластмассовые весла.

- Кто понырывает, а кто и поплавает! Петька стащил лодку на воду, прыг-

нул в неё и взмахнул веслами. Это всё отцом затеяно, - подумал он. - Не хотел, чтоб я знал про акваланг и особенно лодку. А что если отплыть в сторону и теперь от них лодку спрятать?:

Рядом вынырнул калан, изумленно посмотрел на Петьку, вытянул по бокам короткие лапы и, гочно потеряв сознание, пошел вниз, ко дну. Петька положил весла в лодку. Лег, уткнувшись подбородком в упругий борт. Высунулся второй калан; он не заметил Петьку, провел носом по резине: на-верное, желал узнать, что это такое. И отскочил. Вряд ли что понял.

Тихие волны толкали неуправляемую лодку, и она неторопливо кружилась. Петька всё рассматривал: то с крупными гольшами и песчаными замывами берег, на котором черным пятном выделялась одежда дяди Коли, то каменные столбы, то безлюдное до самого горизонта, а, быть может, и дальше море, то отвесную с каким-то кустиком на затылке скалу, то опять начинались гольши... Ого! Как он раньше не заметил? Возле мыса плавало каланов двадцать. Петька подгреб поближе к ним. И притих. Звери, лежа на спинах, чуть шевеля хвостами, поедали ежей, выплевывая кусочки панцирей. Временами то один калан, то сразу несколько принимались вертеться. Вокруг оси. Крутились, скользя в воде, словно терлись о неё, лоснящиеся; при этом ловко придерживали лакомство.

И всё же кто-то обронил ежа. Маленький каланёнок прыгнул с живота

матери; вынырнув, оглянулся: не будет ли кто отнимать? Взрослые на него не обратили внимания. Шустро подплыл к матери, взобрался, прилег на её чуть согнутые задние ноги, как на подушку, и начал ковырять коготками ежа. Мать приподняла голову, помогла ему. Каланёнок ел с аппетитом, облизывался. Затем, отряхнув лапки, почистил шерсть на груди. Но этого, наверное, было мало. Плюхнулся в воду и завертелся, как взрослые, — мылся.

Но вот из-за скалы показались еще двое, и теперь Петька смотрел только на них. Вернее, на седоголового. Это был Лохматик. А рядом с ним — молодой калан. Сын, наверное. Значит, из-за него Лохматик, больной, заспешил в море. Неужели сын не мог побыть с матерью, пока отец выздоровит?.. Зверь плыли рядом. Молодой калан часто поглядывал на отца, порой приближался к нему чуть ли не вплотную. Вдруг Лохматик нырнул. Молодой тоже исчез.

Лодку дёрнуло. Петька, обернувшись, увидел, что через борт перекинулась рука. Пальцы зашарили по дну, ища верёвку. Петька оттянул верёвку к себе, подумав, что бы дать этим пальцам? Вспомнил: в кармане есть два пряника. Сунул один в пальцы. Они замерли — вероятно, их владелец размышлял: "Что

такое? Пряник? Как он очутился?" Пальцы снова заскользили по дну и нащупали монету, пятак. С плеском выскочил из воды дядя Коля, сорвал с себя оголовье акваланга.

— Кто тут?.. Как здесь? Что ты делаешь?

— Катаюсь.

Но дядя Коля все равно, кажется, ничего не понял.

— Петька?.. Где ты взял лодку?

— Из города привез. В ящике из-под ядов.

— Во-он что! — засмеялся дядя Коля. — Разнюхал!.. А я подумал, с берега волной смыло. Ну, давай назад. Отлив скоро, может утащить в море.

Дядя Коля плыл возле борта лодки.
— Лохматика видели? — спросил Петька.

— Видел.

— Он с кем? С сыном?

— Да. Уму-разуму учит.

— Как это?

— Ну, раздвинет водоросли: смотри, дескать, вот они, ежи. Лапу под камень сунет — краба вытащит. Запомни, мол, как надо.

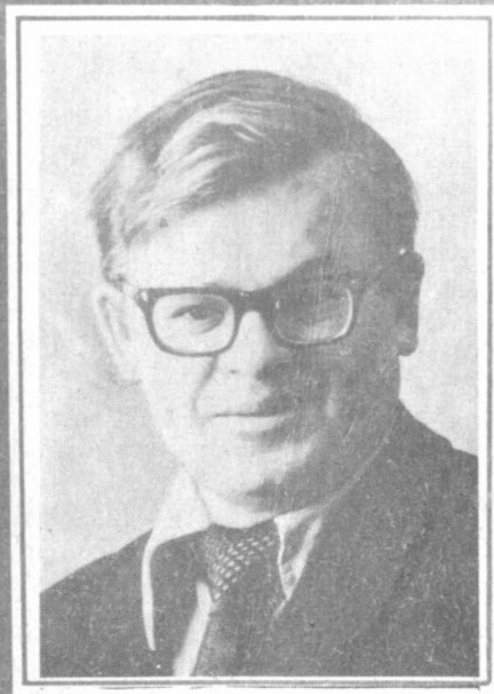
— А мать?

— Её обязанности кончились. Отдыхает где-то. Каланихи больших детей папашам передают.

Покупайте книги в магазинах Сахалинского облкниготорга!

Гризаник
Сахалинской
Книги

Олег
Кузнецов